

У В Ы С Ш Е Г О П Р Е Д Е Л А

Тамара Короткова

Мы бессмертны, пока нас помнят... Мучительно тягучие десятилетия народного беспамятства, угнетенного молчания и страха: «Вавилов? Какой Вавилов? Президент Академии наук? Нет? Его брат Николай?» — и боязливый отвод глаз... И потом, после 1955-го, когда реабилитировали, и еще через двадцать лет: «Какой Вавилов?» И только к 100-летию его, в 1987 году, когда весь мир — по решению ЮНЕСКО — торжественно и скорбно отмечал этот юбилей, — книги, воспоминания, фильмы, конференции. Решения правительства, международных организаций, всяких обществ. Десятки мемориальных досок — на улицах его имени в разных городах, на зданиях академий, институтов. Имя на звездной карте неба (поистине, по Библии, через тернии — к звездам!), на карте Памира, на океанском судне. Колхоз имени XXII съезда КПСС в 1990 году переименован в колхоз имени Вавилова. Десятки новых сортов растений носят имя Вавилова. Дискуссии: где умер (замучен?), где похоронен? — спустя полвека после смерти... Судьбе было угодно, чтобы его жизненный путь оборвался там, где блистательно началось стремительное восхождение к вершинам науки и мировой славы. Три главных города было в жизни Николая Вавилова: до 30 лет — Москва, где родился, вырос, получил образование; Петербург, где 20 лет стоял во главе всей сельскохозяйственной науки страны; и провинциальный город Саратов — около пяти лет жизни...

Лето 1917 года. Николая Вавилова, выпускника Московского сельскохозяйственного института, оставленного при кафедре Д.Прянишникова «для подготовки к профессорскому званию», прошедшего научную стажировку в лучших лабораториях Европы, начавшего собственные огромные исследования, автора 13 печатных работ, приглашали на службу сразу два провинциальных города: Воронеж, где сельскохозяйственный институт предлагал ему место адъюнкт-профессора и кафедру, и Саратов — на куда более скромную должность преподавателя Сельскохозяйственных курсов, открытых в 1913 году. Он сделал свой выбор в пользу Саратова и написал об этом директору Курсов Б.Х.Медведеву,

Николай Вавилов —
профессор агрономического факультета
Саратовского университета

сообщив, что 6–7 июля предполагает быть в Саратове.

Июль — какой-то особый месяц в жизни Николая Ивановича Вавилова. 1 июля 1917 года он выбрал Саратов как место будущей работы. 1 июля 1918 года он был официально утвержден профессором, заведующим кафедрой частного земледелия и селекции Саратовского сельскохозяйственного института (бывшие Курсы). 1 июля 1919 года к нему в аспирантуру поступает Елена Ивановна Барулина, будущая его жена. 9 июля 1941 года ему, узнику Бутырской тюрьмы, объявляют приговор «за измену Родине и шпионаж»: смертная казнь через расстрел. 4 июля 1942 года, томясь в камере смертников саратовской тюрьмы, он узнает о замене расстрела двадцатью годами лагерей (к этому времени он просидел в тюрьме почти два года, а жить ему оставалось семь с половиной месяцев)...

Но вернемся назад. 27 сентября 1917 года молодой преподаватель, недавно приехавший из центра, читает свою первую вступительную лекцию. Он придавал большое значение этой лекции и называл не иначе как «кредо агронома-ботаника». Даже спустя столетия саратовцы, слушавшие тогда Вавилова, с восхищением вспоминали об этом.

В лекции «Современные задачи сельскохозяйственного растениеводства» молодой Николай Вавилов развивал перед слушателями совершенно, казалось бы, невероятную по грандиозности идею — собрать все существующие в мире сорта главных полевых растений, описать их, создать из этих природных богатств хранилище (не гербарий, а живую коллекцию). Сформулированная им первоочередная задача сельскохозяйственного растениеводства просто ошеломила. Даже «король ботаников» Карл Линней, создавший лучший в мире гербарий, сумел охватить изучением лишь небольшую часть растительного богатства земного шара.

Через месяц, 25 октября, в жизни Николая Ивановича произошел неожиданный поворот. Все началось с письма. Оно пришло из Петербурга от известного ботаника Роберта Эдуардовича Регеля, заведующего Отделом прикладной ботаники. Маститый ученый предлагал Вавилову пост своего помощника. Николай Иванович согласился и немедленно приступил к организации отделений и филиалов Отдела прикладной ботаники. Он подыскивает сотрудников в Саратовское, Воронежское, Туркестанское, Московское отделения. Устраивает им оклады, квартиры (а сам живет в это время в рабочем кабинете), определяет направление и объем их производственной деятельности, ведет

финансовый учет, изыскивает средства на проведение полевых и лабораторных работ, добывает необходимый инструментарий (микроскопы, бинокляры, пробирки и прочее), следит за научной документацией, помогает устраивать быт работникам, ведет интенсивную переписку с заведующими отделениями, совмещая все это с оборудованием кабинета, лаборатории в институте, где тоже начал все с нуля.

Через два года не стало Р.Э.Регеля, основателя и бессменного руководителя Отдела прикладной ботаники. Вавилову пришлось принять на себя руководство всей работой. Николай Иванович поехал в Петербург, чтобы принять дела, и застал ужасную картину разрухи, по словам одного из современников, «царство начавшегося тления, грозившего уничтожить долголетнюю творческую работу многих предшествующих лет». О чем думал молодой руководитель, стоя в промерзшем и безжизненном кабинете своего предшественника, мы знаем из его писем в Саратов: он думал о людях, которым он станет отныне опорой и поддержкой. Конечно, он не знал, что именно в январе — через 23 года — остановится и его сердце, а спустя восемь лет, почти день в день, — и его младшего брата Сергея. И что его смерть из них троих будет самой мучительной: не от тифа, как у Регеля, и не от инфаркта, как у Сергея, а от остановки сердца вследствие истощения организма — на тюремной больничной койке. Или было предчувствие? «Ряды русских ученых редуют день за днем, — писал он по поводу смерти Регеля, — и жутко становится за судьбу отечественной науки, ибо много званых, но мало избранных».

Отдел прикладной ботаники под руководством Н.И.Вавилова очень скоро превратился в процветающее научное учреждение мирового уровня, где работало свыше тысячи сотрудников, среди них были ученые, равных которым не было во всем мире. И очень многие из них тоже, как Николай Иванович, погибли в ГУЛАГе...

Но вернемся к 1918 году. Одним из мотивов, заставивших Вавилова сделать выбор в пользу этого города, было завершение многолетней работы по исследованию иммунитета у растений. Весь первый саратовский год он занимался этой темой, готовил к изданию монографию, как всегда, по ночам. И в конце года титанические усилия приносят свои плоды: «Закончена работа в Саратове», — написал автор в предисловии, вышедшей, наконец, книги. С появлением «Иммунитета растений к инфекционным заболеваниям» тридцатилетний ученый был признан основоположником

учения об иммунитете растений, первым и единственным творцом теории, которую в современной биологии называют «теорией генотипического иммунитета» и которая широко используется в фитопатологии, селекции и систематике растений.

1919 год — год интенсивнейших учебных, педагогических и общественных дел Н.И.Вавилова. Будучи профессором агрономического факультета университета (Высшие сельскохозяйственные курсы, в мае 1918 года преобразованные в институт, через 3 месяца присоединились к Саратовскому университету в качестве агрономического факультета), Вавилов ведет лекционные, семинарские, практические занятия. При предельной нагрузке профессора университета по существующим нормам в 6 лекционных часов в неделю, на агрофаке — 4 часа, он ведет более 20 часов.

Получив кафедру, Николай Иванович предпринимает решительные меры для укрепления ее высококвалифицированными специалистами, приглашая известных ему ученых из Москвы, Петербурга и других мест. В это время с ним работают Е. А. Столетова, Е.Ф.Пальмова, Е.В.Эллади, Г.М.Попова, К. М. Чинго-Чингас, А.А.Орлов, и другие. Всего на кафедре Вавилова работали 57 человек. Двадцать семь он взял с собой, когда переехал в Петербург, многих в годы репрессий пытался спасти. Не всегда ему это удавалось (погиб, например, А.А.Орлов). Уцелевшие же оставили воспоминания о своем коллеге и руководителе, где главное было удивление мощью его доброй энергии, направленной на службу людям. В лаборатории, на делянке, в аудитории, на опытной станции, в университете, в областном комитете по опытному делу, в различных комиссиях, в отделениях Географического и Ботанического обществ, которые сам и создал, в типографии, где следил за прохождением рукописей в печать — всюду он успевал, спрессовывая время, чтобы в глубокой ночи, когда шумная суэта дня уступала место тишине, сосредоточиться над недописанной страницей.

И все-таки, несмотря на громадную занятость, главным событием личной жизни стал приезд в Саратов его семьи. Время для переезда было малоподходящим. В 1919 году Саратов жил по законам осадного времени. Болезни (холера, тиф, дизентерия), голод (100 граммов хлеба в день стало нормой), холод (дрова отпускали по поленьям), набеги на поезда бандитов... Но Николай Иванович все обдумал. Добился, во-первых, квартиры — в одноэтажном флигеле во дворе институтского здания. Заранее запася нужными документами. Сохранился, на-

пример, такой: «Предъявитель сего Н.И.Вавилов состоит профессором агрономического факультета Саратовского университета и по месту своей службы имеет приехать с семьей из Москвы в Саратов. Агрономический факультет Саратовского университета просит все учреждения и лиц оказать всяческое содействие ему и его семье в переезде из г. Москвы в Саратов».

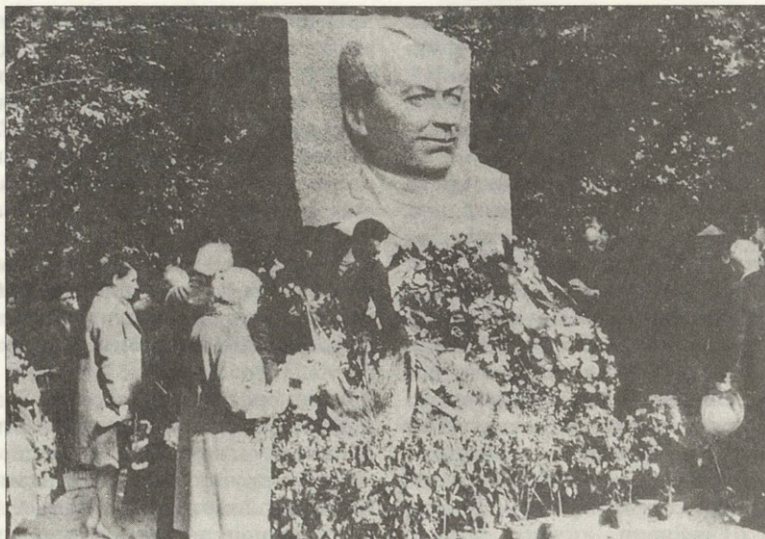
В начале марта жена Николая Ивановича с сыном Олегом прибыли в Саратов. Он очень любил Олега и часто брал его с собой на работу. В.Н.Мамонтова, Герой Социалистического Труда и лауреат Ленинской премии, рассказывала, что Николай Иванович приходил на опытную станцию с маленьким сыном. Она живо помнила споконного крупноголового упитанного малыша, которого отец держал всегда как-то необычно: почти вертикально под мышкой, голова его была на уровне груди Николая Ивановича, а крепкие толстые ножки болтались сзади. Обоим, видимо, было так удобно, о чем красноречиво говорил их неизменно довольный и веселый вид. (В 1947 году Олег Николаевич Вавилов, талантливый физик, опытный альпинист, погиб в горах Кавказа.)

1920 год — пик саратовской жизни Н.И.Вавилова. Первую половину года он занимается подготовкой к Третьему селекционному съезду как ученый и как председатель оргкомитета. Съезд открылся 4 июня в самой большой аудитории университета (у входа в нее там сейчас мемориальная доска), которая не вместила всех желающих: одних участников было около двухсот человек. Места не оставалось даже в проходах и на балконах. Жаждали услышать новое, необычное.

И это ожидание оправдалось. Первые же доклады вызвали живейший интерес. Но самым ярким было выступление Вавилова о законе гомологических рядов. Первые мгновения после последних слов докладчика никто не осмелился нарушить тишину. А потом долго, неистово аплодировали. Профессор В.Р.Заленский первый произнес слова, которые затем повторяли бесчисленное число раз: «Съезд стал историческим. Это биологи приветствуют своего Менделеева». Это был триумф.

Съезд принял резолюцию о необходимости обеспечить «развитие работ Вавилова в самом широком масштабе со стороны государственной власти».

После съезда Вавилов занят печатанием материалов съезда и своего доклада. В сложных условиях гражданской войны только благодаря его неутомимости «Труды III Всероссийского селекционного съезда»

Общая могила на кладбище,
где захоронен прах Н.И.Вавилова

увидели свет. Вышел отдельным изданием и «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» на 16 страничках серой бумаги — открытие, которое явилось новым вкладом в учение Дарвина о происхождении видов и имело общенаучное значение! Имея в виду закон гомологических рядов, один из выдающихся сельскохозяйственных деятелей Н.М.Тулайков, сказал проникновенные слова: «Не погибнет Россия, если у нее есть такие сыны, как Николай Иванович».

Многое из того, что успел сделать Н.И.Вавилов в Саратове, осталось за пределами этого рассказа. Например, его экспедиция по Нижней Волге с целью изучения культурной флоры. На ее материалах спустя два года он выпустил монографию «Полевые культуры Юго-Востока» с посвящением: «Солнечному, знойному, суровому краю, настоящей и будущей агрономии Юго-Востока, как дань за несколько лет приюта и гостеприимства посвящает этот очерк автор». Нет места для обширной информации о творческой работе Николая Ивановича — в Саратове им дорабатывалась, отшлифовывалась идея центров происхождения растений, написаны сотни страниц научного текста, сотни писем, обращений в самые разные инстанции по делам науки.

...И вот последнее письмо ученого из Саратова, написанное в 1942 году:

*«Зампредсовнаркома СССР
тов. Л.П.БЕРИЯ*

«От бывшего члена Академии наук СССР, вице-президента Сельскохозяйственной академии им. В.И.Ленина, директора

Всесоюзного института растениеводства и Института Генетики Николая Ивановича Вавилова

ЗАЯВЛЕНИЕ
*Глубокоуважаемый
Лаврентий Павлович!*

6-го августа 1940 г. я был арестован и направлен во внутреннюю тюрьму НКВД в Москву, 9-го июля 1941 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР я приговорен к высшей мере наказания.

Как при подписании протокола следствия за день до суда, когда мне были представлены впервые материалы показаний по обвинению меня в измене Родине и шпионаже (показания Н.М.Тулайкова, М.П.Авдулова, Л.П.Бордакова), так и на суде, продолжившемся несколько минут, в условиях военной обстановки, мною было категорически заявлено о том, что это обвинение построено на небылицах, лживых фактах и клевете, ни в коей мере не подтвержденных следствием.

На самом следствии, продолжавшемся 11 месяцев (около 400 допросов в течение 1700 часов; следователь А.Г.Хват), я смог принять на себя вину, как руководящего научного работника, в отрыве моей работы от прямых задач социалистического производства и в выполнении мною в бытность мою президентом Сельскохозяйственной академии (1930–1935 гг.) вредительских директив по руководству сельскохозяйственной наукой бывшего наркома земледелия СССР Я.А.Яковлева, кому непосредственно была подчинена Сельскохозяйственная академия, таковы: игнорирование областного опытного дела, узкая

специализация института, обоснование завышенных планов с/х.

Перед лицом смерти, как гражданин СССР и как научный работник, считаю своим долгом перед Родиной заявить, как уже написал Вам в августе 1940 года, вскоре после ареста, что я никогда не изменял своей Родине и ни в помыслах, ни делом не причастен к каким-либо формам шпионской работы в пользу других государств. Я никогда не занимался контрреволюционной деятельностью, посвятив себя всецело научной работе.

1 августа 1941 г., т.е. три недели после приговора, мне было объявлено в Бутырской тюрьме Вашим уполномоченным от Вашего имени, что Вами возбуждено ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР об отмене приговора по моему делу и что мне будет дарована жизнь.

2-го октября 1941 г. по Вашему распоряжению я был переведен из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД, и 15 октября я имел беседу с Вашим уполномоченным о моем отношении к войне, к фашизму, об использовании меня как научного работника, имеющего большой опыт. Мне было заявлено 15-го октября, что мне будет предоставлена полная возможность научной работы как академику, что будет выяснено окончательно в течение 2-3 дней.

В тот же день 15-го октября 1941 г. через три часа после беседы в связи с эвакуацией, я был этапом направлен в Саратов в тюрьму № 1, где, за отсутствием в сопроводительных бумагах документов об отмене приговора и о возбуждении Вами ходатайства об его отмене, я снова был заключен в камеру смертников, где и нахожусь по сей день. Тяжелые условия заключения смертников (отсутствие прогулки, ларька, передач, мыла, большую часть времени лишение чтения книг и т.д.), несмотря на большую выносливость, привели уже к заболеванию цингой. Как мне заявлено начальником Саратовской тюрьмы, моя судьба и положение зависит в целом от центра.

Все мои помыслы — продолжить и завершить достойным для советского ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, моей Родине. Во время пребывания во Внутренней тюрьме НКВД, во время следствия, когда я имел возможность получить бумагу и карандаш, написана большая книга «История развития мирового земледелия (мировые ресурсы земледелия и их использование)», где главное внимание уделено СССР. Перед арестом я заканчивал большой многолетний труд «Борьба с болезнями растений путем внедрения устойчивых сортов»

(на Сталинскую премию), незаконченными остались «Полевые культуры СССР», «Мировые ресурсы сортов зерновых культур и их использование в советской селекции», «Растениеводство Кавказа (его прошлое, настоящее и будущее)», большая книга «Очаги земледелия 5-ти континентов» (результаты моих путешествий по Азии, Европе, Африке и Северной и Южной Америке за 25 лет).

Мне 54 года, имея большой опыт и знания в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны. Будучи физически и морально достаточно крепким, я был бы рад в трудную годину для моей Родины быть использованным для обороны страны по моей специальности, как растениевод, в деле увеличения растительного продовольственного и технического сырья...

Прошу и умоляю Вас о смягчении моей участи, о выяснении моей дальнейшей судьбы, о предоставлении работы по моей специальности, хотя бы в скромном виде (как научного работника и педагога) и о разрешении общения в той или иной форме с моей семьей (жена, два сына — один комсомолец, вероятно, на военной службе, и брат, академик — физик), о которых я не имею сведений более полутора лет. Убедительнейше прошу ускорить решение по моему делу.

Н.Вавилов
гор. Саратов, тюрьма №1. 25.IV. 42 г.»

В это время жена Елена Ивановна и сын Юрий жили в Саратове у родственников, страшно бедствуя. И не подозревали, что Николай Иванович здесь, за этими высокими стенами с колючей проволокой наверху. Елена Ивановна полтора года с методичностью обреченного посылала передачи для Николая Ивановича в Москву. «Перед этим горем гнутся горы...»

Зная трагическую судьбу великого ученого, пророчески воспринимаются теперь и строки из воспоминаний профессора Б.С.Мошкова: «...единственным спутником Николая Ивановича оказался я... Взяв только самое необходимое, мы рано утром покинули полярную станцию и по долине реки Белой стали подниматься к ущелью Рамзая. Был конец июля, но в ущелье лежал глубокий снег, и Николая Ивановича очень поразили багряные водоросли, жившие в верхнем слое. Перед нами лежал белый путь, а наши следы быстро становились красными».